

А. М. Копировский, В. В. Сягаева

Концепция Н. В. Покровского о происхождении христианской базилики в контексте современных исследований

Статья поднимает проблему происхождения христианской базилики, впервые поставленную в конце XV в. Выявлены основные подходы к решению этой проблемы. Подробно проанализирована полемика между профессорами Н. В. Покровским и Н. Ф. Красносельцевым, имевшая место в конце XIX в., поскольку в ней были подведены итоги предшествующих дискуссий и отчасти предвосхищались дискуссии более поздние.

Делается вывод, что позиции оппонентов (Покровский связывал формы базилики с частным домом-икосом, перестроенным для богослужений; Красносельцев — с влиянием на эти формы архитектуры иерусалимского храма) следует рассматривать не как противоположные, а как акцентирующие различные стороны и хронологические этапы единого процесса. Предлагаются коррективы в определении последовательности этих этапов, в частности, отмечается одновременность некоторых из них. Основание для корректив связывается с отсутствием явно видимого перехода от частных и общественных христианских базилик к имперским, ставших храмами в полном смысле этого слова, начиная с эпохи императора Константина и далее.

В заключение статьи концепция Покровского рассматривается в контексте современного кризиса церковной архитектуры, обусловленного ориентацией исключительно на ее сакрально-символические храмовые формы и описанного в работах Х. Зедльмайра. Эта концепция, предполагающая поиск нового образа храма прежде всего через переустройство домашнего интерьера для богослужения в небольшой общине, признается значительно более плодотворной для преодоления кризиса, чем стилизация под архитектуру предшествующего времени или произвольное формотворчество.

ключевые слова: христианская базилика, происхождение, Покровский, Красносельцев, дом-икос, иерусалимский храм, базилики Константина, современная церковная архитектура.

Вопрос о происхождении христианской базилики неоднократно поднимался церковными и светскими исследователями. Различные мнения на эту тему существовали еще в XV в., когда на ее архитектуру обратили внимание известные гуманисты и увидели в ней античные формы. Первым указал на это Леон Баттиста Альберти († 1472). Он также высказал мнение, что христиане с самого начала собирались в базиликах частных лиц, а кроме того — пользовались светскими базиликами (торговыми и судебными), перестраивая их [Альберти, 250].

Мнение о происхождении христианской базилики из построек эпохи греко-римского язычества, за исключением мнения известного востоковеда Иова Людольфа (1624–1704), возводившего базилику непосредственно к иерусалимскому храму [Ludolf, 19–20], не изменялось вплоть до середины XIX в., когда началось последовательное изучение этой проблемы. В 1847 г. бельгийская Академия наук объявила конкурс на исследование о происхождении древнехристианского храма. Адольф Цестерман, получивший первую премию за свое исследование, пришел к выводу, что христианская базилика — оригинальное здание, не связанное с предшествующей архитектурой языческих базилик, что она появилась самостоятельно в связи с требованиями христианского богослужения [Zestermann, 2]. До конца XIX в. это мнение было наиболее распространенным.

Однако существовали и другие точки зрения. Так, сторонниками теории происхождения христианской базилики от римской общественной базилики (*forensic*) были Иосиф Антон Мессмер [Messmer] и Франц Теодор Куглер [Kugler]; от частной базилики — Джованни Баттиста де Росси (1822–1894) [Покровский 1909, 9; Беляев 1998, 184]; от языческого храма — Герман Вайнгернтер (XIX — нач. XX в.) [Weingärtner] и Шарль Жан Мельхиор де Вогюэ (1829–1916) [Vogue]; от еврейской синагоги — Генрих Коль (1877–1914) и Карл Вацингер (1877–1948) [Kohl; Watzinger].

В России среди ученых, которые изучали проблему происхождения христианской базилики в тот же период (вт. половина XIX — нач. XX в.), первое место принадлежит церковному археологу, профессору Санкт-Петербургской духовной академии и директору Императорского Археологического института Николаю Васильевичу Покровскому (1848–1917). В 1880 г. в магистерской диссертации «Происхождение древнехристианской базилики» [Покровский 1880] он поставил вопрос не только о том, откуда

она происходит, но и о том, какие архитектурные формы и исторические ситуации на нее повлияли.

Н. В. Покровский считал необходимым преодоление невежества духовенства в области церковного искусства и подготовку его представителей к бережному сохранению древних храмов при их эксплуатации [Алексеев, 8]. Поэтому он занимался проблемой происхождения раннехристианских храмов не только в академическом плане, но и для того, чтобы дать студентам духовных учебных заведений — будущим служителям церкви — представления о связи произведений церковного искусства с историей церкви и богослужением. Это подчеркнул в письме к Н. В. Покровскому его учитель, известный ученый, филолог и искусствовед Ф. И. Буслаев:

До сих пор занимались у нас древнехристианским и византийским искусством только люди светские и потому ограничивались более художественной и технической стороной предмета, а не прямым и непосредственным обращением его к учению отцов церкви, к текстам литургий, к акафистам и вообще к церковной службе. Вы первый возвели у нас эти коренные и неизблемые основы в стройную систему и вложили в науку «душу живу»... [Буслаев, 232].

Чрезвычайно интересна и показательна полемика Н. В. Покровского с его современником, историком церкви и археологом, профессором Новороссийского (Одесского) университета Николаем Фомичом Красносельцевым (1845–1898). В ней выявились два подхода к изучению проблемы происхождения христианской базилики: первый — непосредственно связанный с практикой церковной жизни (Покровский), и второй — в большей степени теоретический (Красносельцев).

В научной литературе эта полемика не была в достаточной степени освещена. В очерках по истории исследования древностей христианской цивилизации Л. А. Беляев отметил лишь факт «страстных возражений», которые вызвала у Красносельцева концепция Покровского [Беляев 1998, 184]. Автор монографии о христианской базилике В. И. Земскова, положительно отметив использованный в статьях Покровского и Красносельцева подбор иностранной литературы по этой теме, сами их исследования оценила как неоригинальные и сути полемики не рассматривала [Земскова, 17]. Последние по времени работы, в которых упоминается эта полемика, — статья мемориального характера петербургского священника Глеба Санюка, в которой дается краткое описание

дискуссии с перечислением достоинств и недостатков аргументации обоих ученых, но без итоговой оценки [Санюк, 108], и доклад одного из авторов данной статьи, содержащий такую оценку, но без развернутой аргументации и указания на обсуждение проблемы до и после этой полемики [Копировский, 358–359].

Разумеется, научный спор почти полуторавековой давности может показаться имеющим лишь относительный интерес, поскольку с тех пор тема происхождения христианского храма обогатилась материалами археологических раскопок и многократно поднималась в научной литературе¹. Поэтому представляется важным не только подробно описать и проанализировать полемику Покровского и Красносельцева и подвести ее итог, но и вернуться с учетом этого итога и результатов более поздних исследований к проблеме происхождения христианской базилики, в том числе, в связи с поисками оснований для образа храма в современной церковной архитектуре.

Перейдем непосредственно к содержанию названной выше полемики.

Н. В. Покровский рассматривал интересующий нас вопрос в трех аспектах: историческом, архитектурном и духовном, подчеркивая, что в истории архитектуры всегда действует закон наследования и переустройства форм, что «архитектура первых веков христианства составляет лишь звено в общей цепи архитектурных типов и имеет свою точку опоры в одном из типов предшествовавших» [Покровский 1880, 26]. Он исходил из того, что само слово *βασιλική*, как и его архитектурное воплощение, относится в первую очередь к Древней Греции, где базилика была жилым домом старейшины [Покровский 1880, 72]². Языческий Рим и Рим христианский не произвели, по его мнению, новой архитектурной формы, а лишь переработали предыдущую [Покровский 1880, 72].

Общественные римские базилики (*forensic*), предназначавшиеся для совершения в них различных действий общесоциального значения (судебные заседания, торговые сделки, публичные собрания), и были результатом такой переработки. Базилики же

1. См. описание дискуссий XX в. по этому поводу: [Беляев 1998, 172–180]; историографию изучения христианской базилики см.: [Земскова, 9–24], а также дополнение к ней: [Беляев 2009, 264–269].

2. Мнение В. И. Земсковой о том, что само это слово является заимствованием из латинского язы-

ка в данном случае ничего не меняет в принципе, так как первенство Греции перед Римом в разработке базиликальной формы здания неоспоримо (см.: [Земскова, 25–32]).

в частных домах богатых римлян, имея некоторое сходство по форме с базиликами *forensic* и даже подвергаясь их влиянию (владельцы частных базилик иногда внешне устраивали их по типу известных им общественных зданий), тем не менее, оставались элементом частного дома, неразрывной частью его архитектурного ансамбля [*Покровский 1880, 108*].

Согласно концепции Покровского, не общественные базилики, а прежде всего просторные удобные помещения-икосы в частных домах и частные базилики были унаследованы христианством в качестве мест для молитвенных собраний и впоследствии преобразены в новый архитектурный тип — христианскую базилику. Он писал о них так:

Икосы находились в уютной части дома, куда не проникали ни уличный шум, ни нескромный глаз. Притом же помещение это было столовою комнатою, а для христиан и нужна была именно она, так как они в своих собраниях совершали Евхаристию и устраивали общие обеды. ... Помещения эти отличались обширностью, а следовательно, и с этой стороны они были удобны для христианских собраний, в которых принимали участие если не тысячи человек, то иногда сотни... По соседству с ними находились перистилы с водою, необходимою для крещений и омовений [*Покровский 1999, 340*].

Таким образом, по Покровскому, именно просторный домикос стал «зародышем христианского храма» [*Покровский 1880, 117*]. Если первым направлением в создании раннехристианских храмов, как он считал, было использование форм частной греко-римской архитектуры базиликального типа, то «второе руководящее начало при образовании христианского храма лежит в самом христианстве... в его практической стороне, в богослужении» [*Покровский 1880, 117*].

Красносельцев же видел в христианской базилике прежде всего сходство с иерусалимским храмом. Оно, по мнению ученого, проявлялось в наличии в обоих случаях прямоугольной планировки и делении интерьера на три части, поскольку, по аналогии с описанием храма в 3 Цар 6:1–38, а также в Евр 9:1–4, в нем были «святое» (главный неф), «Святая святых» (алтарь) и «завеса» (которую он сопоставлял с появившимся позже иконостасом) [*Красносельцев, 39*].

Покровский в полемике с ним опровергал генетическую связь раннехристианского храма с храмом иерусалимским (первым храмом Соломона) как необоснованную, утверждая, что исто-

рические данные и отличия в архитектуре не подтверждают ее [Покровский 1880, 40, 52]. В качестве аргумента он привлек тексты свт. Мелитона Сардийского (II в.), который в описании внутреннего убранства иерусалимского храма ни разу не упомянул о возможности его использования для христианского богослужения [Покровский 1880, 40]. Кроме того, он напомнил, что такие известные отцы церкви, как сщмч. Игнатий Богоносец, мч. Иустин Философ, свт. Евсевий Кесарийский, блж. Иероним, свт. Епифаний Кипрский и др. многократно предостерегали в своих сочинениях от сближения с иудейством, и сделал из этого вывод, что христиане не могли подражать иерусалимскому храму при строительстве своих молитвенных зданий [Покровский 1880, 41]. Покровский ссылаясь также на символические толкования храма у более поздних христианских писателей: учитель церкви свт. Григорий Великий (VI в.) сравнивал христианский храм с символом души праведного, немецкий богослов Рабан Мавр (IX в.) — с Отчеством Небесным, кардинал Петр Капуанский (XII — начало XIII в.) — с Церковью как Телом Христовым, святых и Девы Марии; все они не использовали в своих текстах ни деталей внешнего вида, ни структуры интерьера иерусалимского храма [Покровский 1880, 42].

Обосновывая свою точку зрения, Покровский сделал вывод, что иерусалимский храм — самостоятельное явление в архитектуре, которое соответствовало текстам Священного писания и особенностям иудейского богослужения, несмотря на то, что по внешности он был близок к финикийским постройкам [Покровский 1880, 51]. Указывая на особенности базилики (продольная форма, наличие апсиды, деление внутреннего пространства на нефы с помощью колонн), он признавал сходство иерусалимского храма и базилики лишь в трехчастном делении всего занимаемого пространства (иерусалимский храм: двор, святилище и святое святых, христианская базилика: притвор, нефы и апсида), но подчеркивал принципиально различное для каждого здания назначение этих частей. Кроме того, он считал, что названные выше признаки сходства, так же как и четырехугольная в обоих случаях форма, имеют случайный характер и что подобные особенности можно найти в самых разных архитектурных стилях [Покровский 1880, 52].

Красносельцев, возражая Покровскому, назвал сочинение свт. Мелитона «мистическим» и подчеркнул, что поэтому в нем не стоит искать исторических доказательств [Красносельцев, 33].

Он счел необязательным определение Покровским архитектурного типа иерусалимского храма, как не соответствующего базиликальному, поскольку, по его мнению, тот мог оказать влияние на христианскую базилику независимо от своих архитектурных форм [Красносельцев, 29]. Существование двора Красносельцев объяснял в христианских храмах IV в. подражанием структуре иудейского храма, так как в христианском богослужении этого времени потребности во дворе не было. Также он ссылаясь на Евсевия Кесарийского, называвшего алтарь христианского храма и «святое святых» иерусалимского храма одним и тем же словом — *ἄγιον* [Евсевий, 431], и подчеркивал их сходство в отделенности *ἄγιον* от остального храма (преградой — в христианском и завесой — в иудейском храмах) [Красносельцев, 38].

Аргументом в пользу своего представления о влиянии иерусалимского храма на формирование христианской базилики Красносельцев считал даже знаменитое восклицание императора Юстиниана: «Я победил тебя, Соломон!» [Красносельцев, 37]. Кроме того, он приводил в качестве аргумента текст так называемых «Апостольских постановлений», в котором упоминаются ветхозаветные скиния и храм как образец для богослужения³, и трактовал это упоминание как прямое указание на устройство внутреннего пространства базилики по образцу иерусалимского храма [Красносельцев, 35].

Общий итог их спора так и не был подведен, победитель в нем не выявлен, и это не случайно. Применявшийся для исследования обоими этими известными учеными типологический подход, который предполагает рассмотрение базилики как единой целостной формы, в середине XX в. был признан в принципе недостаточным [Беляев 1998, 173]. Представление о ранней храмовой архитектуре с того времени составляется по работам, написанным на основе комплексного анализа, использующего данные истории, археологии, литургики, искусствоведения и др. [Беляев 1998, 179]. В Западной Европе это прежде всего труды Р. Краутхаймера, а также С. Манго, Ф. Дайхмана, Т. Метьюза; в России — А. И. Комеча, Л. Г. Хрушковой, Л. А. Беляева [Krauthheimer; Mango; Deichmann; Mathews; Комеч; Хрушкова; Беляев 1998; Беляев 2009].

3. На самом деле в тексте «Апостольских постановлений» базилика сравнивается не с храмом, а с кораблем; скиния и храм здесь названы лишь образцом порядка в церковном собрании, в частно-

сти — в раздельном расположении клира и народа (с упоминанием, к тому же, что те и другие составляют одно собрание). См.: [Желтов, 115].

В контексте этих работ становится ясным, что полемика Покровского и Красносельцева и не могла привести к определенному результату, поскольку каждый ее участник раскрывал и обосновывал лишь одну сторону проблемы и акцентировал внимание на разных периодах в становлении базилики. Поэтому их выводы, во-первых, были неполными, а во-вторых — во многом параллельными, основанными на разных реальностях, повлиявших на формирование архитектуры христианской базилики. Однако дальнейшие исследования, проведенные на основе археологических раскопок, позволяют не только указать на эти неизбежные для конца XIX в. методологические просчеты, но и подтвердить относительную правоту каждой концепции. Сама же история раннехристианской архитектуры может быть представлена более сложной, чем в виде последовательного чередования ее основных этапов.

Так, «теория дома», утверждающая происхождение христианской базилики от жилища (икоса или частной базилики), к которой, вслед за Д. Б. Де Росси, примыкал Покровский, была подкреплена результатами археологических раскопок XX — XXI вв., произведенных в Палестине, Сирии, Иордании, Египте и Италии. Установлено разнообразие существовавших там в раннехристианское время домов молитвы со свободной планировкой, не связанной ни с античной базиликой-храмом, ни, тем более, с иерусалимским храмом. Наиболее значительными были находки молитвенного дома начала III в. в сирийском городе Дура-Европос в 1920–1930 гг. [Lowrie, 105–128; Krautheimer, 27; Беляев 1998, 98–99, 108], в 1968 г. — «дома апостола Петра» в Капернауме [Corbo; Беляев 1998, 47–50], в 2005 г. — молитвенного дома III в. на холме Мегиддо [Adams].

Домашний, не имевший храмовых особенностей характер раннехристианского богослужебного собрания подчеркивали аббат Луи Дюшен (1843–1922) [Duchesne] и свящ. Грегори Дикс (1901–1952) [Dix]. Существенная разница между ранними богослужебными собраниями и богослужением в базиликах была отражена затем в работах Уолтера Лоури (1868–1959) [Lowrie], Жана Лассю (1903–1990) [Lassus] и др. Концепция Покровского, где главную роль для формирования будущей базилики играло богослужение в доме, поддержана современным специалистом по церковной архитектуре, преподавателем Санкт-Петербургской духовной академии архим. Александром (Федоровым), который считает, что «структура римского дома косвенно оставила свой след в расположении базиликальных пространств», и поэтому,

даже при ином их функциональном зонировании, «...ассоциативно представляется структура частного дома, как, может быть, один из толчков для архитектурного развития будущего храма» [Федоров, 24]. Образ иерусалимского храма как формирующего основания для возникновения христианской базилики в этих работах не возникает.

Концепция Красносельцева получила развитие в объемной монографии В. И. Земсковой, полностью основанной на этой концепции⁴ [Земскова]. Стремясь с разных сторон (исторически, филологически, литургически, археологически) обосновать происхождение христианской базилики от иерусалимского храма (трех построенных и одного «идеального», описанного пророком Иезекиилем), называя его «Новым Иерусалимом», воспроизведенным в Риме в виде Латеранской базилики, В. И. Земскова приходит к однозначному выводу: и архитектура, и декор Латерана отсылают «к древним прообразам — ветхозаветным святилищам в целом, историческим и идеальным» [Земскова, 256]. В то же время относительно влияния образа иерусалимского храма на церковные собрания в домах и частных базиликах она никаких заключений не делает⁵. Более того, ею подтверждаются наблюдения Г. Штанцля об «отсутствии связи между христианскими помещениями для собраний до IV в. и церковными постройками времени Константина» [Земскова, 20], т. е. в доконстантиновских молитвенных помещениях она связи с иерусалимским храмом не усматривает.

Поэтому, хотя в целом «теория дома» в качестве единственной, объясняющей причины происхождения христианской базилики, была отвергнута в XX в. [White, 15], из этого следует не возврат к концепции Красносельцева, а возможность нового взгляда на количество и соотношение этапов становления раннехристианской архитектуры. Так, последовательные изменения в ней по хронологии в виде единого ряда из 4-х этапов, предложенного У. Лоури [Lowrie, 109–110] (он начинается с нескольких домов, где очень небольшое время собиралась апостольская община (I в.,

4. К сожалению, саму концепцию Красносельцева В. И. Земскова почему-то не упоминает, ограничившись лишь общей ссылкой на его книгу (см. [Земскова, 17]).

5. За исключением «сионской горницы», т. е. комнаты, где происходила Тайная Вечеря, а впоследствии собирались для преломления хлеба апостолы, которую она называет «первохристиан-

ским святилищем» и бесосновательно приписывает ей «черты культового устройства» (см.: [Земскова, 253–254]). Ради подтверждения своей концепции о всесторонней зависимости христианской базилики от иерусалимского храма автор допускает и другие очевидные натяжки, в частности, уподобляет евангелию «продолжению» ветхозаветного жертвоприношения и др. (см.: [Земскова, 130]).

1-й этап), затем появляется ряд таких домов (вторая половина I в., 2-й этап), после этого частные дома перестраиваются в молитвенные помещения (с конца I в. до начала III в., 3-й этап) и, наконец, строятся большие базилики в крупных городах империи по образцу общественных (III в., 4-й этап) и происходит окончательное формирование христианской базилики как храма), требуют корректировки. Схема Лоури не учитывает дискретности ряда вследствие сходства между собой первых трех этапов, когда молитвенные помещения еще не были храмами в полном смысле слова, и их отличия от четвертого, когда базилика, по его мнению, приобретает все признаки храма⁶.

В связи с этим можно условно выделить в отдельный блок не только первые три этапа схемы, поскольку для того времени нет оснований говорить о попытках последовательной сакрализации пространства богослужебного собрания, но и базилики до начала IV в., т. е. до передачи Латеранской базилики христианской церкви. Все перестройки частных домов и, как можно предполагать, постройки христианами базилик по типу общественных зданий для использования их в богослужебных целях, делались лишь для удобства проведения богослужений, но не для создания внутри этих зданий «храма» — воспроизводящего ли в новом качестве языческий культ домашнего очага, как полагал свящ. Грегори Дикс⁷, иудейский храм или даже формы христианских «сакральных подземных часовен», как считал Лоури, видевший в попытках отступить от сакрализации исходных форм базилики теории, лубезные лишь протестантам [Lowrie, 110].

Авторы подобных гипотез не принимали во внимание исключительную внутреннюю цельность христианского вероучения, перенесшего акцент со всех форм культа на братское общение в любви⁸,

6. Один из ведущих современных литургистов архим. Роберт Тафт считал, что базилика превратилась в храм гораздо позже: «Церковь как здание, дом молитвы, место собрания христиан (ο κυνακόσ οίκος скорее чем η ἐκκλησία) стала важной реальностью в церковном обряде Константинополя только с созданием Юстиниановой Святой Софии, освященной 27 декабря 537 г. До этого времени византийские источники весьма сдержаны в высказываниях о каком бы то ни было символическом значении церковного здания» [Тафт, 42].

7. «Причудливые старые изображения домашних богов и алтаря, конечно, должны исчезнуть вместе со священным очагом и его неугасимым огнем. Все

остальное было именно тем, что нужно. Престол отца семейства стал престолом епископа; главы семей были заменены пресвитерами, а члены клана — мирянами, членами Божьего дома. <...> ...Около двери, где стояли на собраниях клиенты и рабы... находились теперь оглашенные и вопрошающие... Каменный стол был христианским алтарем; бак-имплювий служил для торжественного крещения в присутствии всей Церкви» [Dix, 23, 28–34].

8. Напр.: «Ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью» (Гал 5:6).

что привело к фактическому отказу от культа вообще⁹. Очень точно выразил это по отношению к храму архим. Роберт Тафт: «Христианская церковь не есть храм. Первоначально община, а не некая материальная святыня, считалась местом пребывания Бога» [Тафт, 75].

Применительно к нашей теме это означает, что из 4-х этапов, предложенных Лоури, остается два. Первый предполагает отдельное рассмотрение зданий, соответствующих принципам названного выше блока. В этих зданиях сакрализация и внешних форм, и внутреннего пространства либо отсутствует, либо не имеет принципиального значения, даже если это не только частные дома, но и общественные базилики. Второй этап касается новых церковных зданий, начиная с Латеранской базилики, в которых эта сакрализация уже произошла, тем более, что подобные базилики, как пишет Л. А. Беляев, с течением времени «приобрели некоторые религиозные функции... связанные с почитанием обожествленного императора и его семьи» [Беляев 2009, 264].

Исходя из очевидного отсутствия на сегодняшний день переходных форм от первого этапа ко второму [Беляев 1998, 177], можно предположить достаточно долгое существование не одной, а двух этих параллельных тенденций в развитии христианской архитектуры. Первая — приспособление для христианского богослужения частных домов и общественных античных базилик, в обоих случаях без сакрально-символического осмысления их форм. Вторая — последовательное уподобление мест христианских молитвенных собраний имперским базиликам и, как следствие, иерусалимскому храму; эта тенденция лишь с конца IV в. становится господствующей.

Кроме того, концепция Н. В. Покровского, как и «теория дома» в целом, в наши дни может приобрести неожиданную актуальность, связанную с кризисом, который переживает уже более столетия церковная архитектура. Как точно определил выдающийся философ и исследователь искусства Ханс Зедльмайр, еще в XIX в. положение ранее главенствующих в архитектуре (и искусстве в целом) зданий, прежде всего, церквей

9. «Думаете ли вы, что мы скрываем предмет нашего богопочтения, если не имеем ни храмов, ни жертвенников? Какое изображение Бога я сделаю, когда сам человек, правильно рассматриваемый, есть образ Божий? Какой храм Ему построю, когда весь этот мир, созданный Его могуществом, не

может вместить Его? И если я человек люблю жить просторно, то как заключу в одном небольшом здании столь великое Существо? Не лучше ли содержать его в нашем уме, святить Его в глубине нашего сердца?» [Минуций Феликс, 263].

...лишилось надежности, а стилеобразующая сила покинула их. Церковь больше не в состоянии предложить новый и верный тип церковного здания. Она нерешительно ощупывает пустые оболочки зданий, чтобы найти в них опору среди раннехристианских, византийских, романских, готических и ренессансных форм. На время она скрывается даже в скорлупе греческого храма [Зедльмайр, 39].

Оценивая происшедшие в XX в. радикальные изменения в храмовой архитектуре, Зедльмайр считал возможным постепенное «воцерковление» достижений архитектуры светской, если бы при переосмыслении гигантских зданий развивался содержащийся в них «скрытый трансцендентный элемент» [Зедльмайр, 41].

В контексте настоящей статьи особенно интересным представляется сделанное Зедльмайром сравнение этой ситуации с процессами, происходившими при зарождении христианского храма, близкое к концепции Н. В. Покровского. Зедльмайр уподоблял процессы в культуре первой половины XX в. «тому, как на исходе античности именно из форм светского строительства проросли новые формы христианских культовых зданий» и сетовал, что такая возможность не была понята или ею просто не воспользовались [Зедльмайр, 41].

В приведенном высказывании имелись в виду постройки исключительно нетрадиционного характера. Это подтверждается призывом Зедльмайра исключить из будущей церковной архитектуры подражание старым формам и стремление к единому стилю, а также тем, что для нового целостного облика церковного здания он предлагал пока оставить свободное место [Зедльмайр, 231].

В контексте рассмотренных в предлагаемой статье представлений Н. В. Покровского о христианском доме, который легко можно было перестроить в церковь и в котором отсутствовали тенденции, мешающие, по Зедльмайру, рождению нового храма, концепция «дома-церкви» вполне может претендовать на заполнение этого свободного места. Бесконечная возможность варьирования внутреннего пространства здания при отсутствии необходимости как-либо специально оформлять его внешний облик, имеет, как показала «предконстантиновская» раннехристианская эпоха, громадный потенциал для существования в условиях, когда привычные формы храмов далеко не всегда могут удовлетворить ожидания, а новые еще не сложились.

Источники и литература

1. *Алексеев* = Алексеев А. Н. Николай Васильевич Покровский — доктор церковной истории // Н. В. Покровский. Очерки памятников христианской иконографии и искусства. СПб. : Лига-плюс, 1999. С. 3–10.
2. *Альберти* = Альберти Л.-Б. Десять книг о зодчестве : В 2 т. Т. 1 : Текст / Пер. В. П. Зубова. М. : Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1935. 392 с.
3. *Беляев 1998* = Беляев Л. А. Христианские древности : Введение в сравнительное изучение: учебное пособие для ВУЗов. СПб. : Алетейя, 1998. 575 с.
4. *Беляев 2009* = Беляев Л. А. Базилика // Православная энциклопедия. Т. 4. М. : Православная энциклопедия, 2009. С. 264–269.
5. *Буслаев* = Буслаев Ф. И. Сочинения по археологии и истории искусства : В 3 т. Т. 3. Л. : Изд-во АН СССР, 1930. 239 с.
6. *Евсевий* = Евсевий Кесарийский. Церковная история. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2013. 544 с.
7. *Желтов* = Желтов М. А. Апостольские постановления // Православная энциклопедия. Т. 3. М. : Православная энциклопедия, 2001. С. 113–119.
8. *Зедльмайр* = Зедльмайр Х. Утрата середины / Пер. с нем. С. С. Ванеяна. М. : Прогресс-Традиция : Территория будущего, 2008. 640 с., ил. (Университетская библиотека Александра Погорельского).
9. *Земскова* = Земскова В. И. Христианская базилика и Иерусалимский храм : Единство традиции и преемство архитектуры. СПб. : АИК, 2012. 310 с.
10. *Комеч* = Комеч А. И. Символика архитектурных форм в раннем христианстве // Искусство Западной Европы и Византии : Сборник статей. М. : Наука, 1978. С. 45–62.
11. *Копировский* = Копировский А. М. «Храм XXI века» в контексте представления о Церкви и евхаристии на заключительном этапе катехизации // Евхаристическая экклезиология сегодня : восприятие, воплощение, развитие : Материалы международной научно-богословской конференции (Москва — Московская область, 10–12 мая 2017 г.) М. : СФИ, 2018. С. 351–374.
12. *Красносельцев* = Красносельцев Н. Ф. О происхождении христианского храма : Критические заметки. М. : Лененанд, 2016. 160 с.
13. *Минуций Феликс* = Марк Минуций Феликс. Октавий // Сочинения древних христианских апологетов : В русском переводе со введениями и примечаниями протоиерея П. Преображенского. 2-е изд. СПб. : И. Л. Тузов, 1895. С. 226–271.
14. *Покровский 1880* = Покровский Н. В. Происхождение древнехристианской базилики: церковно-археологическое исследование. СПб. : Тип. О. Г. Елеонского и К, 1880. 211 с.

15. *Покровский 1909* = Покровский Н. В. 1874–1909 : Краткий очерк ученой деятельности. СПб. : Синод. тип., 1909. 31 с.
16. *Покровский 1999* = Покровский Н. В. Очерки памятников христианского искусства. СПб. : Лига плюс, 1999. 412 с.
17. *Санюк* = Санюк Г. В. Литургическая наука в Санкт-Петербургской духовной академии на рубеже XIX–XX вв. : К 100-летию со дня кончины проф. Н. В. Покровского // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской духовной академии. 2018. № 1. С. 101–112.
18. *Тафт* = Тафт Р. Ф. Византийский церковный обряд : Краткий очерк. СПб. : Алетейя, 2000. 160 с.
19. *Федоров* = Александр (Федоров), игум. Церковное искусство как пространственно-изобразительный комплекс. СПб. : Сатисъ, 2007. 224 с.
20. *Хрушкова* = Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья, 4–7 века. М. : Наука, 2002. 500 с.
21. *Adams* = Adams E. The Earliest Christian Meeting Places : Almost Exclusively Houses? A&C Black, 2013. 208 p.
22. *Corbo* = Corbo V. The House of Saint Peter at Capharnaum. Jerusalem : Franciscan Printing Press, 1972. 75 p.
23. *Deichmann* = Deichmann F.-W. Studien zur Architektur Konstantinopels im 5. und 6. Jahrhundert nach Christus. Baden–Baden : Grimm, 1956. 117 S.
24. *Dix* = Dix G. The shape of the Liturgy. London : Dacre, 1945. 646 p.
25. *Duchesne* = Duchesne L. Origines du culte chretien. Paris : Albert Fontemoing, 1903. 556 p.
26. *Kohl, Watzinger* = Kohl H., Watzinger C. Antike Synagogen in Galilaea. Leipzig, 1916. 231 S.
27. *Krautheimer* = Krautheimer R. Early Christian and Byzantine architecture. New Haven; London : Yale University Press, 553 p.
28. *Kugler* = Kugler F. Der romische Basilikenbau näher entwickelt nach den Resten der antiken Basilika von Trier // Kunstblatt. 1842. N. 86. S. 341–343.
29. *Lassus* = Lassus J. Sanctuaires Chretiens de Syrie. Paris : Geuthner, 1947. 329 p.
30. *Lowrie* = Lowrie W. Art in the Early Church. New York : Pantheon, 1947. 436 p.
31. *Ludolf* = Ludolf J. Historia Aethiopica. Frankfurt : J. D. Zunner, 1861. 336 p.
32. *Mango* = Mango C. A. Byzantine architecture. New York : Abrams, 1976. 383 p.
33. *Mathews* = Mathews T. F. Early Churches of Constantinople : Architecture and Liturgy. Pennsylvania : Pennsylvania State University Press, 1971. 194 p.
34. *Messmer* = Messmer I. Über Den Ursprung, Die Entwicklung Und Bedeutung Der Basilika in Der Christlichen Baukunst. Leipzig : Kessinger Publishing, 1854. 90 S.
35. *Vogue* = Vogue C. J. M. de. Architecture civile et religieuse du Ier au VIIe siecle dans la Syrie centrale. T. I. Paris : Baudry, 1865. 159 p.

36. *Weingärtner* = Weingärtner W. Ursprung und Entwicklung des christlichen Kirchengen-bäudes. Leipzig : Weigel, 1858. 142 S.
37. *White* = White L. M. The Social Origins of Christian Architecture : In 2 v. V. 1. Valley Forge, PA : Trinity Press, 1996. 213 p.
38. *Zestermann* = Zestermann A. Die antiken und die christlichen Basiliken, nach ihrer Entstehung, Ausbildung und Beziehung zu einander dargestellt. Leipzig : F. A. Brockhaus, 1847. 211 S.

A. M. Kopirovsky, V. V. Syagaeva

N. V. Pokrovsky's Concept of the Emergence of the Christian Basilica in the Context of Contemporary Research

The article considers the emergence of the Christian basilica, contributing to the discussion originating in the late XV century. It outlines the principle approaches to resolving the discussion. The article contains detailed analysis of the late XIX century debate between professors N. V. Pokrovsky and N. F. Krasnoseltsev summarising previous and partly anticipating future discussions on the subject.

The article concludes that the points of view expressed by the two opponents (Pokrovsky associated the basilica forms with a house (ikos) remodelled to host worship services while Krasnoseltsev viewed these architectural forms as influenced by the Jerusalem Temple) should not be regarded as opposite but as highlighting various aspects and chronological stages of a single process. The article suggests an alternative sequencing of the stages noting, in particular, simultaneous occurrence of certain stages. The basis for this alternative sequencing is found in the absence of a discernible transition from private and public Christian basilicas to imperial basilicas, established as fully-fledged temples from the age of Emperor Constantine onwards.

In conclusion, the article reviews Pokrovsky's concept in the context of the ongoing ecclesiastical architecture crisis resulting from the focus being placed exclusively on sacro-symbolic temple forms, as described in H. Sedlmayr's works. The concept, which suggests seeking a new temple appearance primarily by adapting the home interior to small community worship is deemed substantially more productive for the purpose of overcoming the crisis than imitating period architecture or creating arbitrary forms.

KEYWORDS: Christian basilica, emergence, Pokrovsky, Krasnoseltsev, house (ikos), Jerusalem Temple, Constantine's basilicas, contemporary ecclesiastical architecture.

References

1. Adams E. (2013). *The Earliest Christian Meeting Places : Almost Exclusively Houses?* A&C Black.
2. Aleksandr (Fedorov), hegum. (2007). *Tserkovnoe iskusstvo kak prostranstvenno-izobrazitel'nyi kompleks* [Church art as a spatial-visual complex]. Saint Petersburg : Satis (in Russian).
3. Alekseev A. N. (1999). “Nikolai Vasil'evich Pokrovskii — doktor tserkovnoi istorii” [“Nikolay Vasilievich Pokrovsky — Doctor of Church History”], in N. V. Pokrovskii. *Ocherki pamiatnikov khristianskoi ikonografii i iskusstva* [Essays on the Monuments of Christian Iconography and Art]. Saint Petersburg : Liga-plus. pp. 3–10.
4. Al'berti L.-B. (1935). *Desiat' knig o zodchestve* [Ten books on architecture] : In 2 v, v. 1: Tekst [Text], Moscow : Publ. of the all-Union Academy of architecture (Russian translation).
5. Beliaev L. A. (1998). *Khristianskie drevnosti : Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie: uchebnoe posobie dlia VUZov* [Christian Antiquities : An Introduction to Comparative Studies: A Textbook for High Schools]. Saint Petersburg : Aleteiia (in Russian).
6. Beliaev L. A. (2009). “Bazilika” [“Basilica”], in *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia], v. 4, Moscow : Pravoslavnaia entsiklopediia, pp. 264–269.
7. Buslaev F. I. (1930). *Sochineniia po arkhologii i istorii iskusstva* [Works on archeology and art history] : In 3 v., v. 3. Leningrad : The Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
8. Corbo V. (1972). *The House of Saint Peter at Capharnaum*. Jerusalem : Franciscan Printing Press.
9. Deichmann F.-W. (1956). *Studien zur Architektur Konstantinopels im 5. und 6. Jahrhundert nach Christus*. Baden-Baden : Grimm.
10. Dix G. (1945). *The shape of the Liturgy*. London : Dacre.
11. Duchesne L. (1903). *Origines du culte chretien*. Paris : Albert Fontemoing.
12. Eusebius of Caesarea (2013). *Tserkovnaia istoriia* [Church history]. Saint Petersburg : Publ. Olega Abyshko (Russian translation).
13. Zedl'mair Kh. (2008). *Utrata serediny* [Loss of mid]. Transl. S. S. Vaneiana. Moscow : Progress-Traditsiia : Territoriia budushchego (Universitetskaia biblioteka Aleksandra Pogorel'skogo) (Russian translation).
14. Zemskova V. I. (2013). *Khristianskaia bazilika i Ierusalimskii khram: edinstvo traditsii i preemstvo arkhitektury* [The Christian Basilica and the Jerusalem Temple: The unity of tradition and the succession of architecture]. Saint Petersburg (in Russian).

15. Khrushkova L. G. (2002). *Rannekhristianskie pamiatniki Vostochnogo Prichernomor'ia, 4–7 veka* [Early Christian monuments of the Eastern Black Sea, 4–7 centuries]. Moscow : Nauka (in Russian).
16. Kohl H., Watzinger C. (1916). *Antike Synagogen in Galilaea*. Leipzig.
17. Komech A. I. (1978). “Simvolika arkhitekturnykh form v rannem khristianstve” [“Symbolism of architectural forms in early Christianity”], in *Iskusstvo Zapadnoi Evropy i Vizantii : Sbornik statei* [The Art of Western Europe and Byzantium: Collection of articles], Moscow : Nauka, pp. 45–62.
18. Kopyrovskii A. M. (2018). “‘Khram XXI veka’ v kontekste predstavleniia o Tserkvi i evkharistii na zakliuchitel'nom etape katekhizatsii” [“‘Temple of the XXI Century’ in the context of the concept of the Church and the Eucharist at the final stage of catechesis”], in *Evkharisticheskaia ekkleziologiia segodnia : vospriatie, voploshchenie, razvitie : Materialy mezhdunarodnoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii, Moskva — Moskovskaia oblast', 10–12 maia 2017 g.* [Eucharistic ecclesiology today: perception, embodiment, development: Materials of the international scientific and theological conference, Moscow — Moscow Region, 10–12 May 2017], Moscow : St. Philaret Institute, pp. 51–374 (in Russian).
19. Krasnosel'tsev N. F. (2016). *O proiskhozhdenii khristianskogo khrama : Kriticheskie zametki* [On the Origin of the Christian Church: Critical Notes]. Moscow : Lenenand (in Russian).
20. Krautheimer R. (1992). *Early Christian and Byzantine architecture*. New Haven; London : Yale University Press.
21. Kugler F. (1842). “Der romische Basilikenbau näher entwickelt nach den Resten der antiken Basilika von Trier”. *Kunstblatt*, 1842, n. 86, S. 341–343.
22. Lassus J. (1947). *Sanctuaires Chretiens de Syrie*. Paris : Geuthner.
23. Lowrie W. (1947). *Art in the Early Church*. New York : Pantheon.
24. Ludolf J (1861). *Historia Aethiopica*. Frankfurt : J. D. Zunner.
25. Mango C. A. (1976). *Byzantine architecture*. New York : Abrams.
26. Mark Minucius Felix (1895). “Oktavii” [“Octavius”], in *Sochineniia drevnikh khristianskikh apologetov : V russkom perevode so vvedeniiami i primechaniiami protoiereia P. Preobrazhenskogo* [Works of ancient Christian apologists : Russian translation with introductions and notes by archpriest P. Preobrazhensky], 2 ed., Saint Petersburg : I. L. Tuzov, pp. 226–271 (Russian translation).
27. Mathews T. F. (1971). *Early Churches of Constantinople : Architecture and Liturgy*. Pennsylvania : Pennsylvania State University Press.
28. Messmer I. (1854). *Über Den Ursprung, Die Entwicklung Und Bedeutung Der Basilika in Der Christlichen Baukunst*. Leipzig : Kessinger Publishing.
29. Pokrovskii N. V. (1880). *Proiskhozhdenie drevnekhristianskoi baziliki: tserkovno-arkheologicheskoe issledovanie* [Origin of the ancient Christian

- basilica: church-archaeological research]. Saint Petersburg : Tip. O. G. Eleonskogo i K (in Russian).
30. Pokrovskii N. V. (1909). *1874–1909 : Kratkii ocherk uchenoi deiatel'nosti* [1874–1909: A brief outline of scientific activity]. Saint Petersburg : Sinod. tip. (in Russian).
 31. Pokrovskii N. V. (1999). *Ocherki pamiatnikov khristianskogo iskusstva* [Essays on the monuments of Christian art]. Saint Petersburg : Liga plius (in Russian).
 32. Saniuk G. V. (2018). “Liturgicheskaia nauka v Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii na rubezhe XIX–XX vv. : K 100-letiiu so dnia konchiny prof. N. V. Pokrovskogo” [“Liturgical science in the St. Petersburg Theological Academy at the turn of the XIX–XX centuries : On the 100th anniversary of the death of prof. N. V. Pokrovsky”]. *Vestnik Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii*, 2018, n. 1, pp. 101–112 (in Russian).
 33. Taft R. F. (2000). *Vizantiiskii tserkovnyi obriad : Kratkii ocherk* [The Byzantine church rite: A brief outline]. Saint Petersburg : Aleteia (in Russian).
 34. Vogue C. J. M. de (1865). *Architecture civile et religieuse du Ier au VIIe siecle dans la Syrie centrale*. T. I. Paris : Baudry.
 35. Weingärtner W. (1858). *Ursprung und Entwicklung des christlichen Kirchengebäudes*. Leipzig : Weigel.
 36. White L. M. (1996). *The Social Origins of Christian Architecture* : In 2 v, v. 1. Valley Forge, PA : Trinity Press.
 37. Zestermann A. (1847). *Die antiken und die christlichen Basiliken, nach ihrer Entstehung, Ausbildung und Beziehung zu einander dargestellt*. Leipzig : F. A. Brockhaus.
 38. Zheltov M. A. (2001). “Apostol'skie postanovleniia” [“Apostolic decrees”], in *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia], v. 3, Moscow : Pravoslavnaia entsiklopediia, pp. 113–119 (in Russian).